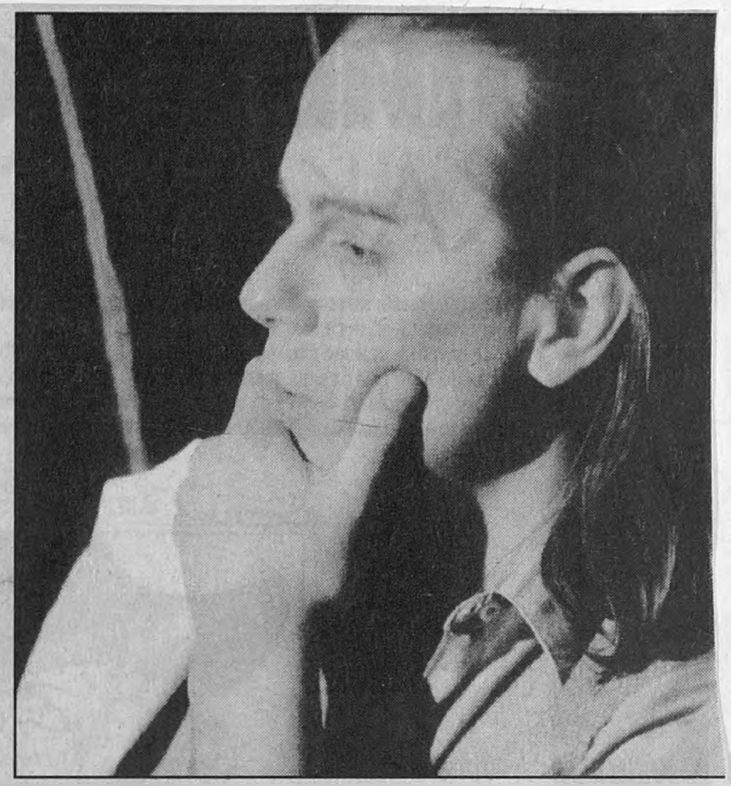
Веч. клуб - 2000 - 6 мая. - с. 7.

Сергей ВИНОГРАДОВ: "НА НОЖАХ" СНИМАЛИ С МОРДОБОЕМ



Сергей Виноградов — актер, режиссер, хореограф. У каждого поклонника его таланта свои ассоциации, связанные с этим человеком. Кому-то он запомнился по фильму "На ножах", кому-то в роли Келюса, в пьяном угаре отплясывающего придуманный им танец на шпагах в сериале "Графиня де Монсоро". А кто-то до сих пор вспоминает его в "Служанках" Романа Виктюка. В своей "Театральной компании" как режиссер он заявил о себе постановками "Машеньки" Набокова, "Коллекционера" Дж. Фаулза, "Пены дней" Бориса Виана. В Театре Моссовета на будущей неделе премьера — "Мамаша Кураж и ее дети" с Валентиной Талызиной в главной роли. Режиссер по пластике — Сергей Виноградов.

— Сергей Александрович, вас назвали в честь Есенина?

— Родители хотели назвать меня Димой или Павликом. Но мой брат, который старше меня на девять лет, и моя тетя, которая старше меня на пятнадцать лет, объявили голодовку и сказали, что прекратят ее только тогда, когда меня назовут Сережей — в честь деда. Что касается Есенина, то не люблю его категорически. Я люблю Ходасевича и постоянно его перечитываю.

— В какой последовательности вы приобретали знания?

— Я учился в математической школе, затем поступил в МАИ, но ушел с третьего курса. Был там отличником, как ни странно. Математика соединяется с искусством очень близко, быть просто математиком, не имея творческого мышления, невозможно. Затем я пришел к режиссуре, а актерство — это другая сторона профессии.

— А откуда такая страсть к хореографии? Как это все вами изучалось?

— Я нигде хореографии не учился специально. Сначала начал двигать себя, потом других. Схема очень простая: надо научить тело разговаривать, потом научиться за ним записывать, а потом — это отдавать другим. Для меня форма очень важна. Я ежедневно работаю в трех профессиях. Утром — хореограф, сейчас, например ставлю движение в спектакле Театра Моссовета "Мамаша Кураж". Днем работаю в своей "Театральной компании", а вечером играю спектакли в разных театрах. Когда я работаю хореографом, стараюсь не использовать банальную хореографическую лексику — это мой принцип. Движения, которые уже знакомы зрителю, не представляют для него никакого интереса. Пластика должна удивлять. Лучший вариант, если она будет потрясать.

— Многие профессионалы с недоверием относятся к таким самородкам. Как вы это переживаете?

— Мне абсолютно наплевать на их отношение. Если бы я имел какие-то потуги на классическую хореографию, меня можно было бы считать наглецом, шарлатаном. Я же занимаюсь той сферой, которая у нас называется модерн-балетом. Тут важнее то, каким путем ты идешь, а не то, где ты учился.

— Чем, на ваш взгляд отличается артист русского балета от европейского или американского?

— Русский артист балета делает все движения как главные, на поставленной "металлической" мышце, и в итоге он сильно потеет, а вместе с ним потеет зритель, поскольку напряжение передается в зал. Американский танцор делает с полной отдачей только главное движение — прыжок или вращение, а все промежуточное, переходное он делает свободно, он отдыхает, и в этот момент отдыхает глаз зрителя. Все в этом мире — ритм. Должно быть напряжение-расслабление. Русский артист балета — это час зажима у зрителя.

— Какие проблемы в сегодняшнем театре волнуют ваше поколение актеров, вас лично?

— Главное — это бессмысленность большинства того, что происходит. Когда она становится не просто привычкой, — та же бессмысленная пресса, телепередачи, — а когда бессмысленность становится принципом. Более того, провозглашается, что публика может воспринимать только бессмыслицу и больше ничего. Я думаю, это не только вредно, но и опасно.

— Вы автор телепрограммы "Сенсация русского театра". Есть ли повод продолжить этот разговор с телезрителями?

— К сожалению, он прерван, этот опыт. Я написал в прошлом году заявку целого цикла передач; одной из составляющих этого цикла было продолжение "Сенсаций…" Но то, что сейчас происходит на ТВ, и то, что происходило лет пять назад, — это разные вещи. Во-первых, нет денег. Во-вторых, продюсеры теперь сами решают, что публике интересно. Например, я хотел продолжить разговор на основе спектакля "Прекрасен, чуден божий свет", где заняты питерские актеры Светлана Крючкова и Игорь Скляр. Прозрачная, грустная комедия. В ней нет ничего высоколобого. Но продюсеры увидели в этом что-то недоступное для простого зрителя. Надо быть очень сильно замороченными людьми или сильно отставшими, чтобы так решить.

— Расскажите подробнее о цели создания еще одной телепрограммы, в которой вы снимаетесь, — "Третьего не дано".

— На западе идея имитации интерактивного кино существует уже много лет. Публика сама предлагает продолжение сюжета показанной ленты и в течение очень короткого времени все это снимается и показывается. Между заказом и реализацией проходит два-три дня. В нашем случае имитация интерактивного кино снимается в двух вариантах и обрывается на самом интересном месте. Возникает ситуация, когда герой должен сделать выбор: сказать "Да" или "Нет", ударить или пожалеть, выдать или промолчать. И публика принимает решение. А так как это прямой эфир, то должны быть готовы два варианта. Вот почему "Третьего не дано" — третий вариант просто не снимают.

— Недавно прошел сериал "На ножах" по роману Лескова. Как вы думаете, почему Александр Орлов решил экранизировать эту книгу?

— Потому, что это один из самых замечательных и сильных русских романов XIX века. Он был запрещен и первый раз вышел всего одиннадцать лет назад. Слишком жестко и правдиво написано там про русскую душу, слишком опасно она показана во всех видах власти. Достоевский, когда закончил в четыре часа утра читать первое издание "На ножах", положил перед собой белый лист бумаги, на котором написал: "Бесы".

— На съемках не приходилось попадать в экстремальные ситуации?

— Однажды снимали сцену с Игорем Горбачевым где-то в лесном массиве. В день моего рождения, кстати, 16 июня. Какие-то подростки в совершенно невменяемом состоянии вышли из леса, и вся съемочная площадка превратилась в настоящее побоище, пошел просто мордобой. Это было дико и страшно.

— Вы тоже участвовали в этом?

— Немножко. Не лез в первые ряды. Надеялся закончить благополучно свой день рождения и эту картину.

— В вашей "Театральной компании" прошла премьера спектакля по роману французского писателя-постмодерниста Бориса Виана "Пена дней". Почему для постановки вы выбрали именно его произведение?

— Не мы находим пьесы, а пьесы находят нас. В этом есть свой мистический смысл. Это не та фигня, которую говорит Виктюк, — мол, я сегодня ночью общался с Жаном Жене, и он мне сказал: "Давай-ка еще какую-нибудь пьесу с тобой поставим". Книжка под названием "Пена дней" попала ко мне несколько комическим образом. Это было в 88-м году, у меня родился сын, и во время утренней пробежки после полубессонной ночи я успевал сделать два дела: забежать на молочную кухню, а на обратном пути — в книжный магазин, который открывался тогда в девять утра. В это время "выкидывали" самые лучшие букинистические книжки, и вот, имея под рукой кефирчик и смесь "Малютка", я вбежал в магазин, увидел "Пену дней", схватил, заплатил два рубля десять копеек и побежал домой. Вся моя жизнь так проходит. С того самого дня я интересуюсь этим человеком — удивительным и совершенно нераскрытым для театра и в нашей стране, и во Франции. Все постановки были очень невыразительные, поскольку найти ключик, которым открывается мир Бориса Виана, непросто.

— Вы нашли этот ключик?

— У меня он связан с пластикой.

— Не боитесь, что зритель может не понять?

— В основном приходят те, кто знает Виана. Я не пытаюсь изображать на сцене то, что он придумал. Я ищу театральные средства. Главное для меня в "Пене дней" — это совершенно новая пластика.

— Известность вам принесли "Служанки" Романа Виктюка. А как вы относитесь к его новым постановкам?

— Я вообще все это смотреть не могу. Все, что он делает, — это поп-культура с большой потугой на оригинальность Невнятное, утомительное зрелище, непонятно про что. Общаясь с ребятами, которые работают в его театре, я слышу, что они не понимают, что делают. Например, в спектакле "Пробуждение весны" нет ни смысла, ни текста ни сюжета.

— В "Театре Луны" вы играете в "Путешествии дилетантов" по роману Булата Окуджавы. В чем дилетантизм вашего героя, как вы думаете?

— В наивной вере в то, что существует любовь на свете, что законы ее выше, чем законы жизни, что человеческая порядочность бывает выше государственного закона — это чаще всего оказывается утопией. Я постоянно говорю о том, что законы любви и законы жизни противоположны. Если человек делает выбор в пользу любви, он должен понимать, что идет на большие неприятности.

Встречалась
Элина **БОГАЛЕЙША**